

МОЙ ФИНАЛ БЕЗ ВАС

ЛОРЧЕНКОВ ВЛАДИМИР

РОМАН **НОЧЬ В КЕРБЕ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л78

Дизайн переплета и иллюстрация
Динары Халиковой

Фотография на переплете
из личного архива автора

Л78 **Лорченков, Владимир Владимирович.**
Ночь в Кербе / Владимир Лорченков. — Мос-
сква : Издательство «Э», 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-093181-1

Короткая поездка в Тулузу оборачивается романом всей жизни. Две недели герой книги, писатель, проводит на фестивале, где навсегда становится слугой Прекрасной Дамы — французской актрисы Евы. Покинув Францию, он узнает, что был в никогда не существовавшем городе Кербе и участвовал в несуществующем фестивале. Утративший свою возлюбленную герой перебирает воспоминания о ней, как карты Таро в колоде. Кем она была — актрисой, чтицей, сеньорой альбигойского замка или миражом любви, которая никогда не случилась? Герой понимает: он должен найти Еву, чтобы найти и обрести себя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лорченков В., 2018
© Халикова Д., иллюстрация, дизайн обложки, 2018
ISBN 978-5-04-093181-1 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Tout le monde est marié!
*Belle Parisienne*¹

¹ Все на свете женаты!
Прекрасная Парижанка

Я впервые выступаю в необычной для себя роли издателя рукописи. Дело в том, что данный текст не принадлежит моему авторству. Я нашел его — кипу листов, покрытых рукописными заметками, — во Франции во время одной из своих поездок. Это был, если не ошибаюсь, литературный фестиваль поблизости от Тулузы, называвшийся «Дни и ночи Лангедока». Как всегда во Франции, фестиваль был великолепно организован и оставил у меня самое благоприятное впечатление. Проведя три дня в городке Аксер, я вместе с гостеприимным хозяином фестиваля Жаном-Франсуа Мишо вернулся в Тулузу. По пути мы остановились в совершенно заброшенном доме в 10 километрах от городка Франшвиль. Строение XIII века представляло собой маленькую башенку, в каких пастухи оставались на ночь и баррикадировались в случае вражеских набегов. Такие башенки имеются в Шотландии, на Кавказе и... в общем, везде, где есть пастухи и набеги. Мы пробыли там несколько часов в самый жаркий полдень, чтобы провести си-

есту и выспаться перед возвращением в Тулузу. На полу я обнаружил бумаги, придавленные камнем. То, что они были написаны на русском, очень взволновало и заинтриговало меня. Поскольку выяснить, чьи это бумаги, не представлялось возможным — они оказались не подписаны, выглядели довольно потрепанными и, значит, пролежали в башне довольно долго, да и Жан-Франсуа клятвенно заверил меня, что эта земля стоит без владельца вот уже триста лет, — то решил, что могу взять рукопись с собой.

Итак, я не знаю автора, поскольку он не оставил практически никаких данных о себе. Поэтому я взял на себя смелость опубликовать записи с четким указанием отсутствия авторства в предисловии. Рукопись Анонима представляет собой заметки, сопровождаемые редкими примечаниями на полях. Я позволил вставить эти примечания в текст, выделив их особым шрифтом. Я публикую рукопись без сокращений и изменений. Некоторые страницы рукописи оказались испорчены дождем, просочившимся, как я полагаю, через старую крышу башни. Я напечатал эти страницы как есть, с указанием лишь, что текст в этом месте прочитать невозможно.

Остается добавить, что неизвестный мне автор допустил — сознательно или нет — множество неточностей. Города Аспер, Керб, Фиджак и Каденак не существуют. Города же Лангедока

с похожими названиями автор нещадно путает, произвольно сокращая и увеличивая дистанции между ними. Фестиваль «Альянс джаза и литературы Прованса» проводится в другом месте, и организаторы его на мой письменный запрос о какой-либо связанной с событиями, упомянутыми в заметках, информации ответили мне, что ничего в найденном мной тексте не соответствует действительности. Также хочу заметить, что я не узнал в Анониме ни одного из моих коллег по тем обстоятельствам жизни и приметам, которые он сам описывает. Выяснить у Жана-Франсуа какие-либо подробности я не смог, поскольку с того момента, когда я отправил ему письмо с рассказом о содержании этой странной рукописи, он не отвечал мне и просто перестал выходить на связь. Я не прошу автора отозваться, поскольку, судя по тому, что я понял из его воспоминаний, Аноним не испытывает никакой необходимости в контактах с кем-либо. Также ему, совершенно ясно, безразлична судьба его текста.

*Владимир Лорченков.
19 ноября 2016 года. Монреаль*

* * *

Вот таким-то образом я и стал вампиром.

...Этими словами я собирался начать свою новую книгу. И, конечно, не написал ее. Не то чтобы мне не хотелось. Напротив! Я мечтал что-нибудь написать... сделать... Но прокрастинация настигла меня. Говоря проще, тупое оцепенение. Я сидел в нашей новой квартире в Монреале — в отличие от прежней она оказалась очень светлой, залитой буквально солнцем, потому мы и переехали — и плавал в его лучах, как попавшая в смолу муха. До состояния янтаря мы еще не дошли, так что я, хоть и медленно, передвигался. Правда, недалеко. Переход из постели в ванную требовал от меня трех дней пути и четырех сражений: два в арьергарде и два в авангарде. Я открывал холодильник, как Беринг — проливы. Перевалиться ночью из комнаты на балкон, где я спал из-за сильной жары, не будучи в состоянии даже съездить за кондиционером, стало равносильно переходу через горный хребет. Ганнибалу наверняка легче давались Альпы. Я плавал в поту, ничего не делал и даже в бассейн не

ездил. Квартира моя стала зачарованным островом, а я превратился в свинью, заколдованную Цирцеей в человека. Только, кроме меня, на острове никто не жил. Моя жена, накормив меня рисом с лотосом, отправилась на летние каникулы с детьми в Грецию. Кажется, на Родос. А возможно, Крит. Точно не помню. Я и жены с детьми уже не помню. Также этим летом я окончательно дошел до ручки. *C'est-à-dire*¹, начал покупать лотерейные билеты в надежде зачем-то разбогатеть. Это было так нелепо, что несколько раз я и в самом деле выигрывал. Сто, триста долларов. Однажды — даже тысячу. Моих глобальных проблем это не решало по причине отсутствия в моей жизни глобальных проблем как таковых. Дела шли неплохо. Мы постепенно обживались в Монреале, куда переехали несколько лет до того из Молдавии, я оканчивал аспирантуру в Университете Монреалья, и мы подумывали о переходе в статус *Monsieur et Madame Tout Le Monde*² и небольшом домике в пригороде. Тем не менее я покупал лотерейные билеты. Возможно, дело все в том, что для меня богатство стало сначала метафорой, а после и синонимом смерти. Деньги сами по себе не значили ничего. В мечтах получить десять, двадцать, сто

¹ то есть (*фр.*)

² Господин и Госпожа Как Все (*фр.*)

миллионов я никогда не шел дальше вожделенного момента выигрыша. Вот я подхожу к лотерейной будке... Вот продавщица сует мой билет в проверочный аппарат... Вот по табло над ним бегут цифры, и продавщица Loto-Québec издает радостный возглас. Вы только взгляните! Вокруг меня собираются толпы бездельников торгового центра, в котором я эти билеты и покупал... я слышу смех, вижу радостные улыбки, кто-то похлопывает меня по спине. Что дальше? Я не представлял. Не исключено, что просто не мог. Я просто не мог осознать, что же случится — ну, или должно случиться — дальше. На этом моя жизнь заканчивалась, и я отбывал в страну Нигде и Никогда, покачиваясь на спинах слонов, празднично убранных в жемчужные попоны. Рядом со мной сидели наложницы, много прекрасных женщин с идеальными телами. Но и это, конечно, тоже было ложью. Интерес к женщинам я утратил. Речь не о сексе, потому что необычайной силы похоть сопровождала меня несколько предыдущих тем событиям лет, как Ксенофонт — своих греков. Я говорю о чистом, не замутненном ничем — даже желанием — интересе к другому человеку... попытке взглянуть на него, как на нечто отдельно существующее. Желании увидеть в другом человеке не продолжение самого себя, а целый — и отдельный от моего — материк. Проще говоря, я утратил способность лю-

бить, хотя всячески уверял себя в обратном. Еще один человек, которого я убеждал в этом, — моя жена — шел мне навстречу, и если она не верила мне, то делала вид, что верит.

Может быть, причина этого опустошения в том, что я к тому времени закончил свою последнюю — и лучшую — книгу. Она оказалась пропитана ядом и гноем, от ее прикосновения раны воспалялись, и от нее исходило зловоние, настолько сильное и причудливое, что вы вполне могли принять его за чудный аромат. Я ужаснулся себя этой книгой и вызвал ей отвращение и восхищение всех, кто меня знал. Я знал, что она — лучшее, что я делал в своей жизни, и поэтому тянул с ее окончанием, как только мог. Тем не менее, закончив ее, я почувствовал облегчение. Словно отрезал себе гангренозные ноги. Да, я жалел двух лет жизни, ушедших на эту книгу, но в то же время чувствовал себя намного легче. Еще в этой книге я очень жалел себя. Но благодаря ей я освободился. И после нее, совершенно пустой и бездумный, я просто стал тенью самого себя. Редко вставал — только чтобы попить да поесть, — глядел в потолок или слонялся бесцельно по дому. У меня не оставалось ни одного проблеска надежды на то, что это когда-то изменится. Писатели вовсе не вечны, и, старея, мы сдаем. А поскольку живем мы год за пять, то и стареем стремительно.

Я утратил кураж, силу и стал оболочкой самого себя.

О том, насколько я сломался, говорит тот факт, что я ни разу даже не подумал о самоубийстве в то лето. Ça veut dire¹ мужество покинуло меня абсолютно. Так что я потихонечку угасал, ждал, когда что-то случится — да только что могло случиться, если никаких случаев я не создавал, — да выбирался раз в неделю в торговый центр. За лотерейными билетами. Тогда уж я делал небольшой круг и, совершив недолгий променад в окрестностях городка Cote St-Luc, добирался до библиотеки. Там изредка проверял почту, листал альбомы с картинами средневековых художников и просматривал хроники крестовых походов и Столетней войны. Меня это интересовало настолько же, насколько не интересовало все происходящее в моей жизни. Тем более в ней не происходило ничего. Я мечтал о полной анонимности, отказе от своей личной истории и возможности в один прекрасный день уйти босиком в Мексику, чтобы стать там бродягой. Представлял, что меня пристрелят возле какой-нибудь церквушки. Или что запишусь матросом на танкер, идущий в Панаму, сойду в каком-то порту по пути да и сгину с концами. Идеальной казалась мне судьба средневекового монаха-пе-

¹ то есть (фр.)

реписчика, который не ставит свое имя под текстом, чтобы избежать греха гордыни. Сам я давно от него излечился, и те частые приглашения поучаствовать в книжных фестивалях, конференциях и встречах с читателями, что получал — чем меньше я становился писателем, тем быстрее моя писательская карьера шла в гору, — только раздражали меня. Мне нечего было сказать людям, которым хотелось увидеть автора книги, которая так им понравилась. Ведь эти книги написал совсем другой человек, не я. Опустошенный и израненный — оболочка и тень самого себя, — я и понятия не имел, о чем думал тот полный сил, мужества и задора молодой мужчина, что стал автором всех моих книг. Также у меня не было ни одной идеи относительно того, как выиграть чемпионат мира по футболу, победить мировой терроризм или спасти человечество от необратимых изменений климата. В общем, я не испытывал желания изложить свои идеи по любому поводу, как обычно делают приглашенные писатели. Иными словами, я не блистал — потому что не желал блистать — остроумием. Раньше все было по-другому. Когда-то это доставляло мне наслаждение. Сейчас я просто хотел, чтобы меня оставили в покое и предоставили возможность и дальше разлагаться потихонечку в водах великого шестого океана — Океана Атмосферы. Я колыхался в воздухе, пропитанном жарой, испаря-